
НАРОДНИЧЕСТВО В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКИХ «ОХРАНИТЕЛЕЙ» САМОДЕРЖАВИЯ

Н.А. Тюкачев

Кафедра новой и новейшей отечественной истории и права
Брянский государственный университет им. И.Г. Петровского
ул. Бежицкая, 14, Брянск, Россия, 241036

В статье рассматривается отношение российских «охранителей» самодержавия к народничеству. Автор проанализировал работы М.Н. Каткова, В.П. Мещерского, Л.А. Тихомирова, Р.А. Фадеева, которые обосновывали необходимость сохранения самодержавия в России, резко критиковали революционеров- народников.

Ключевые слова: историография, «охранители», народничество, народ, разночинская интеллигенция, самодержавие, либеральное общество.

Осмысление народнического движения в пореформенной России началось почти одновременно с его возникновением. И народники, и их политические противники – защитники самодержавия – уделяли большое внимание освещению причин и целей движения, практической деятельности революционеров, степени их влияния на народ, общество и государство, а также перспектив в будущем.

Наименее разработанным в отечественной исторической науке является консервативное «охранительное» направление в историографии народничества. Темой данной статьи является анализ работ тех (несомненно, талантливых) публицистов, которые по праву считаются основоположниками российской охранительной историографии народничества. Теоретические основы «охранительной» идеологии были разработаны такими деятелями консервативного направления, как М.Н. Катков, В.П. Мещерский, Л.А. Тихомиров, Р.А. Фадеев. Основными составляющими этой идеологии были постулаты о необходимости безусловного сохранения самодержавия в России, о единстве монарха и народа, об «отщепенстве» от государства и народа разночинской интеллигенции.

Зараженная пришедшими с Запада, не имеющими почвы в России идеями социализма, интеллигенция, по мнению «охранителей», хотела свергнуть существующий строй, подорвав единения самодержавия и народа. Большую опасность для государства представляла поддержка революционеров со стороны значительной части либерального общества.

О необходимости сохранения в России исторически обусловленной самодержавной власти, а также ее связи с народом Катков писал в первые

дни после убийства царя народолюбцами: «Весь смысл русской истории и вся государственная мудрость в том состоят, чтобы Верховная власть нашего народа была неразрывно связана с ним и чтобы управление им было живым и ясным выражением этого единства... Никакие формулы, выработанные жизнью других стран, не могут быть приложимы к отношениям Верховной власти к народу в России». Главную опасность для самодержавной государственности публицист усматривал в возможности разрушения единства власти и народа. «Сохрани нас Боже от всего, что может разделить их и поставить как бы в два лагеря, один против другого, каждый со своими особыми интересами!», – заклинал Катков (1).

Заслуги Каткова в защите самодержавия отмечал в 1912 г. другой крупный публицист-консерватор Л.А. Тихомиров. В статье, посвященной двадцать пятой годовщине со дня смерти Каткова, он предлагал воздвигнуть памятник этому деятелю, который «всю жизнь посветил на развитие государственных сил, спасших Россию в развале смуты». Тихомиров чрезвычайно высоко оценивал роль Каткова. По его мнению, «Катков глубже других русских ученых и публицистов, до него бывших, осознал значение для России государства. В этом отношении его предшественником можно назвать разве Карамзина. Для Каткова русская нация сливалась в неразрывное целое с русским государством» (2).

Следует признать, что Тихомиров сумел отразить в своей статье основные идеи Каткова – идеи самодержавия и православной церкви. «Никто лучше Каткова ни понимал значения Верховной Власти Самодержавия, – утверждал Тихомиров. – Для русского государства, объединяющего множество народностей и выросшего на идее Самодержавия, нет другого способа единения и мощи, как самодержавная власть. Это была глубочайшая идея Каткова, из-за которой и восставали против него «либералы», и тем паче «радикалы», с которыми он столько воевал». Отметил Тихомиров и неразрывную связь самодержавия, православия и национального единства в идейном наследии Каткова: «Та же идея единения, нравственной сплоченности нации побуждала его придавать громадное политическое значение Православной Церкви, которую он точно также связывал с самодержавием. Царь для него являлся центром и выразителем всестороннего единения народа с государством, потому что Царь и создан этим единением и является его поддержкой и орудием» (3).

Касаясь политических приоритетов Каткова, Тихомиров заметил, что публицист вовсе «не был врагом свободы или права». Но в том случае, когда свобода или право «грозили стать орудием подрыва Самодержавия, то есть русского государства, Катков страстно требовал ограничения свободы... в качестве меры, необходимой в данный момент для государства». Именно эту «практическую проповедь» самодержавной государственности, которая «вошла в сознание русских гораздо глубже, чем многие они сами думают», Тихомиров считал исторической заслугой Каткова (4).

На наш взгляд, существует прямая историческая и идейная связь между Катковым и Тихомировым в деле теоретического обоснования и защиты российской монархии. В работе «Почему я перестал быть революционером» Тихомиров ясно высказался о своем отношении к самодержавию. Он писал: «Я смотрю на вопрос о самодержавной власти так. Прежде всего, это такой результат русской истории, который не нуждается ни в чьем признании и никем ни может быть уничтожен, пока существуют в стране десятки и десятки миллионов, которые в политике не знают и не хотят знать ничего другого».

Отметив приверженность народа к исторически сложившейся форме власти, Тихомиров выдвинул идею о недопустимости революционной борьбы против самодержавия, так как это нарушает волю народа. Любые прогрессивные преобразования в стране, по его мнению, могли быть осуществлены только в рамках самодержавия, поэтому «всякий русский должен признать установленную в России власть и, думая об улучшениях, должен думать о том, как их сделать с самодержавием, при самодержавии» (5).

Обосновывая необходимость сохранения самодержавия, Тихомиров критиковал и революционеров, и либералов. Он полагал, что революционеры только отрицают монархию, но не знают, чем ее заменить. Резонно отметив, что «всякое изменение в организации центральной власти может быть желательно лишь тогда, когда одно, худшее, заменяется... чем-нибудь лучшим», публицист заявлял: «Разрушение же, ничего не создающее, я считаю вредным, так как оно лишь ослабляет общественный организм. Чем же критики политических основ русского строя заменят их? Прежде всего, у врагов нашего строя есть силы только на то, чтобы его тревожить и мешать ему в правильном отправлении функций» (6).

Либералов, которые «мечтают о парламентаризме», Тихомиров критиковал как «более умеренный слой», который совершенно неспособен «руководить движением умов и давать ему направление». Либералы, «не имея силы ни взять, ни удержать конституцию... постоянно надоедают правительству стонами об «увенчании здания», и, чтобы доказать необходимость этого увенчания, прибегают к самой тенденциозной, пристрастной критике всех мер, какие бы ни были предприняты правительством» (7).

Таким образом, по мнению Тихомирова, ни революционеры, ни либералы не могли предложить реальных альтернатив самодержавию. Кроме того, даже «если бы какие-либо изменения в нашей системе государственного управления и оказывались возможными, о них следует думать с величайшей осторожностью». Как и всякая страна, Россия нуждается «в правительстве прочном, то есть не боящемся за свое существование, и сильном, то есть способном осуществить свои предначертания». Из этих рассуждений был сделан однозначный вывод: «Сильная монархическая власть нам необходима, и, думая о каких-либо усовершенствованиях, нужно прежде всего быть уверенным, что не повредишь ее существенным достоинствам» (8).

Приведенная выше аргументация Тихомирова в пользу монархической государственности относится к концу 1880-х гг., в ней значителен элемент полемики. В дальнейшем Тихомиров много работал над теоретическим обоснованием монархической формы государственности. Самая обстоятельная его работа, впервые изданная в 1905 г., так и называлась – «Монархическая государственность». В ней были подвергнуты критическому сравнительному анализу такие важнейшие понятия, как консерватизм и прогресс, революция и эволюция. По убеждению автора, в основу «разумного политического действия», которое обеспечивает движение вперед государства и нации, «не могут быть положены ни принцип консерватизма, ни принцип прогресса, ни менее всего принцип революции». Важнейший вывод, вытекающий из этого, сформулирован так: «Разумная политика может быть основана только на принципе эволюции, то есть развития силы нации из ее содержания. В этом процессе есть всегда известный консерватизм, известный прогресс, и если является революция как частный случай, то никогда не с целью создания чего-либо такого, чего эволюционно не заключается в обществе» (9).

Основным «руководящим принципом» национальной политики Тихомиров считал цель «поддержания жизнедеятельности нации». Развивая это понятие, он писал: «Политика тем разумнее, чем более дает средств для жизнедеятельности нации, чем меньше допускает препятствий и помех для этого, откуда бы они ни шли». Принцип жизнедеятельности нации «есть единственный разумный, основной принцип политики, понимающий цель и обязанность государства быть органом жизни нации» (10).

Обеспечить эволюционное развитие и жизнедеятельность нации не могут ни аристократическая, ни демократическая форма власти. По словам Тихомирова, «аристократия в качестве носителя верховной власти имеет тенденцию неподвижности, консерватизма», а демократия, напротив, приносит во власть «свойства ума толпы, подвижность, увлечение, склонность следовать «по линии наименьшего сопротивления». И только «монархическое начало... в наибольшей степени привносит в ведении дел страны качество уравновешенного ума». Тихомиров был уверен в несомненном преимуществе монархии: «Монархическое начало... наиболее способно являться орудием, помогающим нации не впадать в застой, но и не забывать основ своего развития, т.е. именно оставаться в состоянии жизнедеятельности, здорового развития своих сил и обдуманного приспособления к новым условиям» (11).

Самым главным противником самодержавного строя в России была разночинская интеллигенция – носитель народнической идеологии. Поэтому публицисты консервативно-охранительного направления уделяли огромное внимание разработке вопросов о происхождении и сущности интеллигенции, а также о ее роли в государстве и обществе. Катков утверждал, что народ сознательно воспринимает самодержавие как необходимость и благо.

Поэтому протест разночинской интеллигенции против существующего строя он считал следствием ее отрыва от «национальной почвы». Катков нападал на интеллигенцию, видя в ней источник общественного зла. По словам В.А. Твардовской, нападки на демократическую интеллигенцию «издания Каткова совершали на протяжении всего пореформенного периода», так как именно в ней «Катков всегда видел антагонистическую угрожающую силу существующим порядкам» (12).

Для резкой критики народничества Катков использовал процесс «нечаевцев». Анализируя «Катехизис революционера», публицист старался убедить читающую публику, что этот документ характеризует облик всех революционеров. По мнению Каткова, Нечаев лишь прямо сказал о том, о чем другие радикалы предпочитали умалчивать. Распространяя взгляды Нечаева на все русское революционное движение, Катков утверждал: «Русский революционер объявляет себя человеком без убеждений, без правил, без чести, он должен быть готов на всякую мерзость, подлог, обман, грабеж, убийство и предательство». Революционная организация не ставит никаких позитивных целей, ее задача – только разрушение, разрушение для разрушения. По мнению Каткова, революционеры вовсе не думали о благе народа и о социализме: «Настоящий революционер должен отложить в сторону все глупости, которыми тешатся неопытные новички. И филантропические грезы, и социалистические теории, и народное образование, и наука – все это рекомендуется как средство обмана, как орудие разрушения, которое остается само себе целью» (13).

Процесс «нечаевцев» Катков использовал и для критики либерального общества, считая, что революционные идеи выросли из либерализма. Либералы служат тому же делу, что и революционеры. Отличие в том, что Нечаев, хотя и лжив, но «в некотором отношении он искреннее и правдивее понимает свое дело, чем другие, которые тому же делу служат и о нем рассуждают». Если либералы «обращаются к великодушным инстинктам молодости, толкуют о благе народном, о благородстве и честности, то Бакунин и Нечаев говорят и поступают проще». Катков стремился убедить либералов в том, что они совершенно неправильно представляют себе революционное движение. Используя силу своего таланта, он энергично обличал либеральное общество: «Вы, господа, снимаете шляпу перед этой русской революцией; вы, не приученные жить своим умом и путаясь в рутине чужих понятий, воображаете, что у нас есть действительно какая-то партия прогресса, с которой следует считаться, и что русский революционер есть либерал и прогрессист, стремящийся ко благу, но слишком разбежавшийся и сгоряча перескочивший через барьер законности». На самом же деле «революционная партия», разоблачившая себя в «Катехизисе», в родстве только с «разбойничьим людом, то есть с грабителями и жуликами» (14).

К идее о наличии связей между революционерами и либеральным обществом Катков обращался многократно. После событий 1 марта 1881 г. он

писал о негодовании народа и общества по отношению к «крамоле», а также задавался вопросом, почему «крамола» нуждалась в царубийстве. Размышляя об этом, публицист снова возвращался к «Катехизису», не признающему «никаких догматов, кроме безусловного отрицания». Целью революционной «крамолы» было «произвести смуту в России, подорвать всякий авторитет, парализовать всякую нравственную силу, вооружить сословия одно против другого, зажечь усобицу, повергнуть все в хаос». Такие враждебные государству, подрывные действия «грубого радикализма» поощрялись «пошлым либерализмом». Поэтому либеральное образованное общество не меньше, чем «крамола», виновато в гибели царя-освободителя. «Вся сила негодования, весь стыд и бесчестье России должны падать на нас самих, именующих себя людьми образованными, – людей правящих, учащих, ораторствующих и пишущих», – заключал Катков (15).

Л.А. Тихомиров также немало писал о роли и значении интеллигенции. В статье 1896 г. «К вопросу об интеллигенции» Тихомиров воспроизводил свои представления об интеллигенции, которые относились к 1882 г., когда он был народовольцем, а затем опровергал их. Другими словами, Тихомиров-монархист полемизировал с Тихомировым-народником. Основной тезис 1882 г. автор выразил так: «Доказывая, что интеллигенция составляет явление органическое, неизбежное и полезное, я говорил, что сущность интеллигенции составляет подвижничество за правду» (16). В 1896 г. публицист задался вопросом, почему он «монополизировал» подвижничество за правду «в одной своей интеллигенции». Ведь подвижничество за правду свойственно всему образованному слою, а не только той его части, которая считалась единственно достойной имени «интеллигенция». Поэтому такое объяснение вовсе не показывает сущность интеллигенции, а «рисует лишь ее чрезвычайное самомнение, а также ее замкнутость». Оторванность от народа, «отчужденность от тесной связи с другими национальными слоями» привела интеллигенцию к иллюзии, что только она одна «обладает человеческими свойствами» (17).

Интеллигенция, «претендующая на господствующее положение в нации», отделяет себя от «образованного слоя». Понятие «образованный слой» более широкое. В него входит круг людей, «освоившихся с наукой и умственно развитых». Поэтому «никто из этого слоя не исключает ни Каткова, ни преосвященного Никанора, ни графа Дмитрия Толстого, как не исключить Герцена или Чернышевского». Однако в «интеллигенцию» из них входят только Герцен и Чернышевский. В «интеллигенцию» входит любой радикальный студент, но не входит «консерватор», создавший целую отрасль науки.

Принадлежность к интеллигенции, по мнению Тихомирова, «непременно требует известного направления». Определение интеллигенции «как исторического явления и как наличного факта русской жизни» Тихомиров

сформулировал следующим образом: «Все, что так или иначе примыкает к идее мирного или насильственного переворота общества с заменой его реальных исторических основ основами мечтательного социализма, – все это, независимо от степени своих знаний, ума, развитости, нравственного чувства, войдет в понятие “интеллигенция”. Именно такое состояние умов, такая «миссия» объединяет “интеллигенцию”, и ничто другое» (18). Таким образом, Тихомиров относил к интеллигенции всех противников существующего строя: и революционеров, и реформаторов.

Одной из важнейших черт интеллигенции он считал недостаточный уровень образования, которое оторвано от реальной жизни. По словам публициста, интеллигенцию создало «плохое ученичество», чтение «легких книжек», отсутствие «самостоятельного наблюдения жизни». Появление интеллигенции как разновидности образованного слоя Тихомиров справедливо связывал с «нездоровым состоянием России» в пореформенный период. Однако публицист категорически отрицал претензии интеллигенции на руководящую роль в «больной» стране. Этот слой составляет «признак и последствие исторической болезни», но «отнюдь не представляет лекарства против нее». Вывод мыслителя однозначен: «России... нужен образованный человек. Но это отнюдь не значит, чтобы ей нужен был «интеллигент» со всеми его претензиями на господство в дезорганизованной им же стране» (19).

В стремлении революционной интеллигенции к социализму Тихомиров видел ее корыстный интерес. Он утверждал: «Строй, осуществление которого составляет объединительную идею нашей «интеллигенции»... без сомнения, очень выгоден для нее. Никакой другой (строй. – *Н.Т.*) не способен дать столько «мест», влияния, доходов, легкого труда за счет массы народа всем этим сочинителям и представителям «народной воли» или «национального сознания». Все «социалистические идеалы» интеллигенции ничего не несут народу. Народ развивается, «спасает свою свободу и самостоятельность» совершенно противоположным путем, «путем развития исторических основ». Интеллигенция ненавидит самостоятельный путь народа, но образованные люди все больше его поддерживают (20).

По убеждению Тихомирова, Россия «страдает от малочисленности образованного слоя», который должен быть не «изолированным и замкнутым в себе», как интеллигенция, но «разлит повсюду как составная часть всех слоев и сословий, тесно с ними связанная». Здоровая роль образованного слоя состоит в том, чтобы «примкнуть к России, честно служа ее задачам (а не своим), ее целям (а не своим)» (21).

Огромный разрыв между теоретическими представлениями и реальной жизнью Тихомиров считал одной из существенных черт интеллигенции. В самом ее «способе мышления» он выделял две стороны: «отсутствие вкуса и уважения к факту» и «безграничное доверие к теории, к гипотезе». Такое «фантазерское состояние ума» достигает высшей степени у революционе-

ров, которые действительно «всецело рассматривают сквозь призму теории». Поэтому в революционном «миросозерцании» совершенно отсутствует жизненная реальность.

В качестве примера такого искаженного восприятия реальности Тихомиров писал о широко распространенных в революционных кругах представлениях, «будто бы Россия находится на краю гибели и погибнет чуть ли не завтра, если не будет спасена чрезвычайными революционными мерами» (22).

Размышляя об общих истоках и либерального, и революционного движения, Тихомиров пришел к выводу, что они лежат в общественной атмосфере 1860-х гг. Именно тогда молодежь оказалась проникнута «общим миросозерцанием», из которого возникли, с одной стороны, либеральные требования, а с другой – «стремления революционные». Формирование мировоззрения молодых людей проходило под влиянием школьного образования и публицистики. Принадлежащий к поколению, получившему школьное образование в 1860-х гг., Тихомиров вспоминал: «Наши теоретические представления, данные тогдашней «наукой», не только бесчисленными популярными статьями по естествознанию, истории и т.п., но и самой школьной наукой ставили нас уже в достаточно отрицательное отношение к социальному строю России, особенно к ее образу правления и т.п. Оценка литературой и обществом текущей русской действительности довершала дело» (23).

По мнению Тихомирова, либералы совершенно неправильно оценивали реформы, становились в оппозицию к правительству и внушали молодежи искаженные представления о действительности. Вот что писал публицист в 1890 г.: «Я пережил мальчиком и юношей эпоху реформ, которые теперь превозносятся либералами. Но в то время я решительно не слыхал об этих самых реформах доброго слова. Тогда оказывалось, что все делается не так, как следует. За что не берется правительство, все только портит». Вместо поддержки реформаторских устремлений «доброго Государя» либералы «давали делу такой вид, будто правительство «делает уступки», да «недостаточные». Вместо того чтобы внушать молодежи, что «только одно либеральное правительство может хорошо вести дело», либеральная «воркотня» только готовила «врагов правительству», так как внушала молодежи мысль, что правительство, «хотя бы и самое либеральное, все-таки ничего не умеет делать». Тихомиров отмечал силу такого внушения, невозможность для молодых людей противостоять ему: «С ранней молодости я только и слыхал, что Россия разорена, находится накануне банкротства, что в ней нет ничего, кроме произвола, беспорядка и хищений; это говорилось до того единодушно и единогласно, что только побывавши за границей, сравнивши наши монархические порядки с республиканскими, я мог наконец понять всю вздорность этих утверждений. Но тогда, ничего еще не зная, при молодой неопытности, право, невозможно было не поверить» (24).

Одно из направлений в рамках консервативной идеологии было представлено в публицистике генерала Р.А. Фадеева.

По мнению О.В. Кузнецова, консервативные взгляды Фадеева «отличались известной гибкостью – в лучшем смысле этого слова, – отчасти вбирая в себя чаяния как умеренно-либеральной части общества, так и трезво-мыслящих охранителей из правительственной и околоправительственной среды» (25). М.Д. Карпачев также отнес Фадеева к тем «дальновидным сторонникам традиционализма», которые видели, что «без определенного сближения с идеями правого либерализма обойтись в новых условиях нельзя». Такие взгляды определены Карпачевым как «консервативный реформизм» (26).

Наибольший интерес из публицистического наследия Фадеева представляют «Письма о современном состоянии России», которые «с личного разрешения Александра III» вышли отдельной книгой осенью 1881 г. По мнению Фадеева, революционное движение не имеет исторических корней в России: «Существование у нас революционного движения, известного под названием нигилизма... лишено всякого оправдания в условиях нашего быта, всякого исторического повода и даже тени надежды хотя бы на минутный успех». Социализм проник в Россию с Запада, в нем «выражается такой же естественный плод западной мысли и жизни, как все прочие». Нигилисты в России не пользуются поддержкой ни нижних, ни верхних слоев общества. Существование и распространение «нигилистов» автор объяснял снисходительным отношением к ним со стороны значительной части общества, которое видело в них «не более как протест своего рода против гнетущего произвола бюрократии, в которой... заключается весь наш государственный строй» (27).

Чувства большинства людей культурного слоя, развивал свою мысль Фадеев, «распадаются надвое». С одной стороны, у них сохранилась «историческая, прочная вера в личную верховную власть», с другой – «глубокое недовольство и полное недоверие ко всему правительственному строю, сверху донизу». Причина недовольства – понимание «обветшалости» старых государственных форм и необходимости их изменения. Из повсеместного недовольства вытекает «безучастие образованного человека ко всякому злу» и снисходительное отношение «к преступным личностям». В результате нигилизм заполнил «пустое место», образовавшееся между обществом и администрацией. Система образования, в которой нет технических «практических училищ», в которых могли бы учиться отчисленные из университетов неспособные молодые люди из низших сословий, дает нигилизму «рекрутов в изобилии». Другими словами, не найдя почвы и поддержки в народе, нигилизм нашел «обильный личный материал», поставляемый правительственными порядками (28).

По мнению Фадеева, «крамола не в силах, конечно, поколебать русский государственный порядок», но может затормозить его развитие и тем

самым «довести до какой-нибудь катастрофы» (29). Публицист не верил в возможность «искоренения крамолы» одними только полицейско-административными мерами. Хотя «обаяние власти» еще сильно, но оно может колебаться без поддержки общества. Власть должна доверять обществу, так как «без содействия общества» невозможно эффективно бороться с крамолы. Фадеев отстаивал идею о необходимости объединения защитников государства в противовес тайным союзам врагов существующего строя. Обосновывая эту мысль, публицист резонно отмечал: «Никакое самое прочное государство не устоит, если в него недрах будет открываться людям возможность спланироваться только в тайные союзы, если навстречу этим противозаконным союзам... не будут вправе выступать законные союзы между гражданами, для чего нужна общественная организация взамен нынешнего разброда, нужен простор в действиях и личном почине, которого покуда недостает» (30).

Главную проблему страны Фадеев видел не в революционном движении, а в недоверии самодержавной власти к обществу. «Не в ничтожной шайке революционеров заключается наша болезнь, шайка только ее признак. Болезнь состоит в том, что при нынешнем устройстве лучшие русские люди не могут ничего предпринять в пользу Государя и государства. Опасный оборот болезни наступит в тот час, когда эти лучшие люди убедятся в безысходности общего положения. Такого полного разочарования именно не следует дожидаться», – предостерегал публицист (31).

Формой общественной организации для помощи государству Фадеев считал земства. Доверие власти к земству не только привлечет к этой форме самоуправления лучшие силы дворянства, но и покончит с чиновничьим произволом. Земское самоуправление не противоречит самодержавной власти, а лишь дополняет ее. «Развитие земских учреждений до высшего предела, до учреждений всероссийских, – писал генерал, – не ставит вопроса ни об источнике власти, ни о разделении властей в государстве, в противоположность развитию конституционному, существенно основанному на таком делении» (32). Мы полагаем, что следует согласиться с той оценкой позиции Фадеева, которую предложил Карпачев: «Фактически принимая основное требование земских либералов, Фадеев спешил наполнить его консервативным содержанием. Никакого формального ограничения прав монарха он не допускал, выстраивая совершенно утопическую модель грядущего согласия между землей и царем в обход злонамеренной бюрократии» (33).

Реформаторский консерватизм Фадеева «безоговорочно разъединял его с охранителями из правительственного лагеря». К политической программе генерала свое «критическое отношение» высказывали Катков и К.П. Победоносцев (34). Эта критика была вполне естественна со стороны представителей правого течения консервативной идеологии, к которому наряду с Катковым и Победоносцевым относился князь В.П. Мещерский. Весьма способ-

ный публицист, близкий к правительственным кругам, Мещерский немало страниц своих «Воспоминаний» посвятил революционному движению рубежа 1870–1880-х гг.

Глубоко обеспокоенный ростом и распространением «анархизма», Мещерский давал свое объяснение этому явлению и свои «рецепты» борьбы с ним. Главная причина роста пропаганды «заключалась в неумелости правительственных органов ей энергично противодействовать и с нею умно бороться». По мнению Мещерского, эта «неумелость» состояла и в некомпетентности полиции, и в слишком мягком наказании революционных пропагандистов судебными органами. Непосредственной причиной, которая способствовала переходу революционеров «к дерзкому походу против государственного порядка», публицист считал общественно-политический кризис, связанный с итогами русско-турецкой войны 1877–1878 гг. «Деморализованное и разочарованное состояние умов» слишком сильно охватило все слои общества. В результате «все, что в низших слоях общества предпринималось с целью вступить в борьбу с правительственными учреждениями во имя социализма и коммунизма, встречало только слабое противодействие не только в высших слоях общества, но даже в разных правительственных сферах» (35).

«Роковым» в истории России и царствования Александра II Мещерский считал 1878 г. Приговор по «делу 193-х» имел «растлевающее действие», так как показал «слабость уголовного правосудия». Помилование «большинства 193 преступников» было главной причиной «ужасного злодеяния 1 марта». Позиция Мещерского ясно выражена в таких словах: «Не будь этого фальшивого акта милосердия, вызванного ни чем иным, как малодушием и влиянием на судей террористического либерализма, все крамольники находились бы не на свободе, а на каторге, и никогда не хватило бы ни материальной, ни нравственной силы вести эту упорную войну с государственным порядком и совершить этот ряд покушений с 1878 года по 1881 г.» (36). Террористическая борьба революционеров и действия правительства в этот период описаны по той же схеме: слабость и нерешительность правительства приводили к возрастающей активности террористов, что и привело к трагедии 1 марта.

Покушение В. Засулич на генерала Ф. Трепова – это «непосредственный результат» приговора по делу 193-х. Вместе с тем увольнение царем Трепова с должности градоначальника признавалось консерваторами признаком «не только торжествующей силы крамолы, но правительственного перед нею страха». Именно выстрел Засулич открыл ряд «политических преступлений, уже не прерывавшихся до самого 1881 г.». Результат суда присяжных над В. Засулич произвел ошеломляющее впечатление на правительственные сферы. Мещерский вспоминал об этом: «Торжественное оправдание Веры Засулич происходило как будто в каком-то ужасном кошмарном

сне... Никто не мог понять, как могло состояться в зале суда самодержавной Империи такое страшное глумление над Государевыми высшими слугами и столь наглое торжество крамолы; но в то же время в каком-то летаргическом оцепенении все молчали, и никто не смел громко протестовать» (37).

Настроение в среде «высшей интеллигенции», т.е. чиновничества, в Петербурге было таким, что «за правительство и за Государя никто не смел высказываться», а сочувствие «к крамоле и к крамольникам высказывалось громко». В таких условиях Мещерский видел только один путь для правительства – жесткие репрессивные меры против революционеров. Он убежденно писал: «Несомненный факт быстрого решительного усиления крамолы ясно указывал... на необходимость приступить к ряду самых строгих мер пресечения зла наказанием злоумышленников, дабы строгость наказания и предупреждение преступлений явилась сильнее преступного терроризма и свидетельствовала бы об энергии правительства» (38). Решимость правительства «к более энергичному образу действия» было вызвано новыми террористическими актами, особенно убийством шефа жандармов Мезенцева. В августе 1878 г. был издан указ Сената, передававший политические дела в ведение военных судов. Но и такая мера не удовлетворяла Мещерского, продолжавшего критиковать нерешительность правительства. Консервативный деятель полагал, что такая мера является «запоздавшей» и «слабой по своему действительному значению» (39).

Сокрушительной критике в «Воспоминаниях» Мещерского подвергнута деятельность М.Т. Лорис-Меликова, которая якобы «способствовала успеху анархии». Основная ошибка Лорис-Меликова заключалась в том, что он увлекся вредными либеральными «иллюзиями» и забросил свои прямые обязанности по борьбе с крамолой. В Лорис-Меликове, по словам Мещерского, заметно было «какое-то пренебрежение к полицейским своим функциям, вызванное ребяческой мыслью, что полиция есть грубая и слепая сила, а что надо действовать на общество интеллигентными способами» (40).

Считая Лорис-Меликова прямым виновником развала полиции, Мещерский писал: «Перовская со своими тремя исполнителями ждала Государя на набережной, где ни одного не было полицейского!.. Мы догадывались, что партия террористов бодрствует, но мы не подозревали, что полиция была доведена Лорисом до такой степени бессилия и неспособности, что покушение на жизнь Государя среди белого дня стало доступно всякому первому встречному» (41). Таким образом, Мещерский был уверен, что только путем последовательных и жестоких полицейских репрессий следует бороться с революционной «крамолой», угрожающей подрывом основ государства.

О революционерах-народниках писали не только публицисты охранительно-консервативного направления, но и представители правоохранительных органов. Их работы относятся к периоду 1870–1890-х гг. Прежде всего, это служебная записка министра юстиции графа К.И. Палена, относящаяся к

началу 1875 г. (42). В 1880 г. по распоряжению Третьего отделения анонимно была издана книга «Обзор социально-революционного движения в России». В настоящее время известно, что автор этой книги – некий А.П. Мальшинский. По мнению Н.А. Троицкого, он был агентом Третьего отделения (43). В 1883 г. вышла в свет книга Ф.А. Гилярова «Пятнадцать лет крамолы». В 1890 г. на французском языке, а в 1906 г. – на русском языке была опубликована «Хроника социалистического движения в России» под редакцией заместителя министра внутренних дел генерала Н.И. Шебеко (44). За исключением записки Палена, эти произведения весьма объемны. Книга Мальшинского содержит 322 с., книга Гилярова – 324 с., не считая предисловия в 16 с., а «Хроника» Шебеко состоит из 363 с. Такая обстоятельность, по нашему мнению, свидетельствует о том, что руководители правоохранительных структур дореволюционной России очень серьезно подходили не только к практической стороне своей службы, но и к теоретическому осмыслению революционного движения. Они старались понять и систематизировать истоки движения, его причины, содержание и перспективы (45).

Итак, анализ публицистики теоретиков охранительной идеологии позволяет утверждать, что им не удалось адекватно отобразить революционное народническое движение. Деятельность революционеров показана ими зачастую в искаженном виде, под специфическим углом зрения. Отметим, что и народники, исходя из своих представлений, также весьма тенденциозно освещали политику правительства и деятельность карательных органов. Логика жестокой и непримиримой борьбы между народниками-революционерами и защитниками самодержавия определяла противоположные подходы к одним и тем же событиям. Стремление любой ценой дискредитировать врага приводило не только к широкому применению оскорбительных выражений, но и к преувеличению в описании действий противника, к замалчиванию или искажению фактов.

Характеризуя Россию 70–80-х гг. XIX в., охранители совершенно игнорировали социально-политическое и экономическое развитие страны, положение крестьян и помещиков после реформы 1861 г., противоречия и сложности в отношениях самодержавного государства, общества и народных масс. Отношения народа и государства изображались охранителями в идеализированном виде. Подчеркивалось полное единение между народом и властью, взаимная любовь народа и императора. Александр II представлен величайшим деятелем эпохи, который проводил реформы во благо народа и государства. Все охранители были единодушны в утверждении, что самодержавный строй являлся естественным, необходимым и единственно возможным для России, что только этот строй отвечал коренным интересам и государства, и народа, и общества. Поэтому охранительная историография делала категорический вывод об отсутствии в России всяких внутренних причин для революционного движения.

Существование и развитие социалистических идей и революционного движения в России охранители объясняли привнесением этих идей из-за границы, пагубным влиянием на незрелую студенческую молодежь со стороны революционеров-эмигрантов. Возникшие в европейских странах социалистические идеи, которые совершенно не подходят к российским условиям, были некритически восприняты лидерами народнической эмиграции, которые и сумели распространить эти ложные идеи среди некоторой части молодежи.

Лидеры революционного движения – это государственные преступники, отщепенцы, злодеи. Студенты, попавшие под их тлетворное влияние, не имели жизненного опыта и поэтому увлеклись ложными идеями о социализме, о противоречиях между интересами народа и интересами государства. Это стало возможно вследствие попустительства революционерам со стороны части общества, а также подрыва религии, неправильным воспитанием молодых людей в семье и школе. Таковы основные идеи охранителей о причинах революционного движения.

Авторы охранительной литературы писали и о тех мерах противодействия, которые государственные структуры должны применять по отношению к революционерам. Это, прежде всего, твердость власти, репрессивные меры против «крамольников», привлечение общества на сторону правительства, воспитание верноподданнических настроений у детей и юношества в семье и учебных заведениях.

В качестве средств защиты государства и народа от «преступных посягательств» революционеров охранители предлагали твердость власти и последовательные законные репрессии против «смутьянов», а также неуклонные меры по восстановлению и укреплению основ самодержавия в России, чтобы обеспечить доверие всех слоев общества к правительству. В этих мерах охранители видели залог будущей умиротворенности, спокойствия и процветания страны.

Значение охранительной литературы для современной исторической науки заключается в том, что дать объективное адекватное толкование народнического движения в пореформенной России можно только при внимательном непредвзятом изучении всех без исключения точек зрения, трактовок, концепций. В этом смысле охранительная историография стоит в одном ряду со всеми другими течениями дореволюционной российской исторической литературы.

Кроме того, до настоящего времени сохраняется очень большое значение произведений охранителей в качестве ценных источников по истории общественного движения в дореволюционной России, так как в их произведениях содержится огромный фактический материал по этой проблеме.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Катков М.Н.* Имперское слово. – М., 2002. – С. 370.
- (2) *Тихомиров Л.А.* Церковный собор, единоличная власть и рабочий вопрос. – М., 2003. – С. 482, 483.
- (3) Там же. – С. 382.
- (4) См.: там же. – С. 483.
- (5) *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. – М., 1997. – С. 46–47.
- (6) Там же. – С. 48.
- (7) Там же. – С. 49–50.
- (8) Там же. – С. 48.
- (9) *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. – М., 1998. – С. 590.
- (10) Там же. – С. 590, 591.
- (11) Там же.
- (12) *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). – М., 1978. – С. 177.
- (13) *Катков М.Н.* Имперское слово. – С. 307.
- (14) Там же.
- (15) Там же. – С. 306.
- (16) *Тихомиров Л.А.* Критика демократии. – С. 586.
- (17) Там же. – С. 589, 590.
- (18) Там же. – С. 591, 592.
- (19) Там же. – С. 591.
- (20) См.: там же. – С. 593.
- (21) Там же. – С. 594
- (22) Там же. – С. 42, 43.
- (23) Там же. – С. 78.
- (24) Там же. – С. 79
- (25) *Кузнецов О.В.* Р.А. Фадеев: генерал и публицист. – Волгоград. 1998. – С. 158.
- (26) *Карпачев М.Д.* Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи // Очерки русской культуры XIX века. – М., 2003. – Т. 4. – С. 367, 368.
- (27) *Фадеев Р.А.* Письма о современном состоянии России // *Фадеев Р.А.* Собр. соч. – СПб, 1889. – Т. III. – Ч. 2. – С. 13, 18–19.
- (28) См. там же. – С. 16.
- (29) Там же. – С. 19–23.
- (30) Там же. – С. 22–23.
- (31) Там же. – С. 89.
- (32) Там же.
- (33) *Карпачев М.Д.* Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи... – С. 370.
- (34) См.: там же. – С. 159.
- (35) *Мецкерский В.П.* Воспоминания. – М., 2001. – С. 412.
- (36) Там же. – С. 414.
- (37) Там же. – С. 415.
- (38) Там же. – С. 416.

- (39) Там же. – С. 417, 418.
(40) Там же. – С. 455–456.
(41) Там же. – С. 457.
(42) См.: *Дейч Л.Г.* Социалистическое движение начала 70-х годов в России. – Ростов-на/Д., 1925. – С. 49–56.
(43) См.: *Троцкий Н.А.* Россия в XIX веке: Курс лекций. – М., 1997. – С. 267.
(44) См.: *Шебеко Н.И.* Хроника социалистического движения в России. 1878–1887. Официальный отчет. – М., 1906.
(45) Подробнее об этом см.: *Тюкачев Н.А.* Российские «охранители» об отношении революционеров-народников к государству // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России». – 2004. – № 3. – С. 57–69.

RUSSIAN RADICAL PRESERVATORS OF MONARCHY ABOUT POPULISM

N.A. Tyukachev

Department of Modern and Contemporary History and Law
Petrovsky Bryansk State University
Bezhitskaya Str., 14, Bryansk, Russia, 241036

The topic of the article is an attitude of Russian radical preservers of monarchy to revolutionary populism. The author analyzed the papers by M.N. Katkov, V.P. Meshchersky, L.A. Tikhomirov, R.A. Fadeev, who defend Russian monarchy and sharply criticize revolutionary populists.

Key words: populism, people, monarchy, historiography, radical preservers, *raznochinskaya intelligentsia*, liberal society.